Н.Ф. РЫЖОНОК

СТАРООБРЯДЧЕСТВО СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Вся борьба церкви и власти со старообрядчеством в дореволюционные годы (на протяжении более чем 200 лет) не нанесла ему столько вреда, сколько сделала советская власть за 70 лет. Строительство социализма и внедрение в жизнь атеистической идеологии в советском государстве существенно повлияли на развитие религиозной ситуации в стране в целом. Для старообрядчества этот период справедливо можно охарактеризовать как самый разрушительный за всю его историю.

Провозглашённый в СССР курс на революционные преобразования в экономике и, в первую очередь, на ликвидацию частной собственности, нанёс непоправимый удар по крестьянскому строю и привёл к разобщению родов. Особенно остро это коснулось старообрядцев, проживавших преимущественно на окраинах страны. Крестьяне-староверы всегда были успешными и умелыми хозяйственниками, стремившимися к экономической самостоятельности. В этот период сразу же была уничтожена самая инициативная часть старообрядчества – купцы, предприниматели, зажиточные крестьяне. В 30-х годах пострадали и простые общинники. В ходе коллективизации Н.К. Крупская подчёркивала, что «борьба с кулачеством есть одновременно борьба со старообрядчеством» (1).

20 января 1918 г. был подписан «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществ» (2), по которому церковь отделялась от государства, каждому человеку предоставлялось право «исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Запрещалось любое ущемление прав по признаку вероисповедания. Но в то же время декрет лишал церковь и различные цер-

Рыжонок Надежда Филимоновна – к.и.н., Московский институт государственного корпоративного управления, г. Москва

ковные общества права иметь собственность. Всё имущество этих организаций должно было перейти в распоряжение государства (3). На примере документов Госархива Коми Республики о старообрядцах с. Замежное Пижемского волостного исполкома Печерского уезда можно наблюдать, как происходила национализация имущества старообрядческих молелен.

Здание моленной, которое было построено самими верующими и богато украшено иконами, становилось собственностью государства и передавалось этим же самым верующим на условиях договора пользования. В 1922 г. был заключён договор о том, что: «22 февраля 1922 г. старообрядцы приняли от Пижемского волисполкома в бессрочное бесплатное пользование находящуюся в с. Замежное Пижемской волости молельню с богослужебными предметами по особой нами заверенной своими подписями описи». При этом старообрядцы обязывались «беречь вверенное народное достояние», «использовать исключительно для удовлетворения религиозных потребностей». В договоре говорилось: «В используемых нами помещениях мы обязуемся не допускать политических собраний, враждебных советской власти, продажи книг или листовок направленных против советской власти, или произнесения речи и проповеди, враждебных советской власти или её отдельным представителям». Также в этом договоре староверы обязывались отремонтировать здание и оплатить все расходы по страхованию, все налоги и долги; использовать колокольню только для религиозных целей, иметь инвентаризационную книгу и не передавать богослужебное имущество в частное пользование. Допускать «беспрепятственно» уполномоченных советской власти, «в кладбищенских храмах и на кладбищах мы обязуемся сопровождать своих единоверцев». За нарушение этого договора старообрядцы несут «уголовную ответственность по всей строгости революционных законов». Далее в архивных документах даётся подробное описание всего имущества моленной с приложением числа служащих.

О конфискации богослужебного имущества из старообрядческих молитвенных домов говорят документы архивов, которые также раскрывают и характер взаимоотношений старообрядцев с представителями советской власти на местах. Так, например, в 1930 г. в г. Вятке при переселении старообрядческого молит-

венного дома с центральной улицы Ленина из большого каменного здания на окраину, в кладбищенскую сторожку, в «Постановлении» записано, что это действие было произведено по просьбе самих же верующих. Но документ, подтверждающий данный факт, в деле отсутствует. Кроме того, при переселении, якобы для сохранности народного имущества, так как кладбищенский домик не имеет охраны и расположен на окраине, и опять же «по желанию» верующих, из молитвенного дома изымаются «более ценные вещи как-то: серебро и ковры». В результате у старообрядцев-поморцев брачного согласия г. Вятки было изъято «87 предметов весом 132 кг 670 гр» (4).

Параллельно с этим были и внутренние проблемы, влиявшие на разрушение старообрядчества, обусловленные также сменой власти. В этот период фактически все старообрядческие общины потеряли своих покровителей в лице предпринимательской элиты, которая либо попала под руку большевиков, либо уехала на Запад. В глубинке Поморья и северо-востока России остались старообрядческие скиты, молельни, личные библиотеки, иконы, которые семьи прятали, распознав характер новой власти. Но они были разобщены, лишены тесной и безопасной связи между собой и с центром. И, по сути, тихо угасали.

Происходили значительные перемены и в наставничестве. В силу обстоятельств после 1930-х годов почти во всех поморских общинах наставницами становились одинокие женщины: девицы, как «неведавшие греха», и вдовы. Уход мужчин из наставничества мог быть связан как с падением их религиозности, с одной стороны, а с другой, проводившейся в те годы ударными темпами коллективизацией, когда все жители села за исключением глубоких стариков, были вынуждены вступать в колхоз. При этом у них брали подписку об отречении их от веры. В период коллективизации пострадало большое количество старообрядческих семей. Тех, кто не желал подчиниться тотальной коллективизации, под предлогом раскулачивания, разоряли, оставляя без средств к существованию, обрекая на гибель.

Разрушению старообрядческих устоев способствовали и общегосударственные обстоятельства. Участие в войне, революциях, гражданской войне приводили к тому, что, как с горечью признавал один из видных деятелей старообрядчества в 1918 г.,

«...на наших глазах молодое поколение наше уходит из нашего мира, оно делается нам чужим по духу, оно уже не понимает нас» (5). В период внедрения атеистической идеологии произошёл раскол между поколениями, что в свою очередь привело к забвению и утрате семейных традиций. Репрессивная политика по отношению к духовным лидерам, запрет на церковную жизнь, требоисполнение постепенно приводили к угасанию веры. Как отмечает в своих исследованиях Т.В. Дронова, староверы Коми Республики соборные службы правили только на Рождество и на Пасху, тайно, но никогда не прерывались крещение, исповедание, отпевание усопших и поминовения. Молились рано утром, зимой – до рассвета, при плотно зашторенных окнах; собирались по одному, чтобы не привлечь внимания у представителей власти: «ходили доносчики даже под окнами, слушали не поют ли панихиды» (6). В поминальные дни запрещалось посещать кладбища и служить там поминовения, совершать традиционные плачи по усопшим. Для этого около кладбищ выставляли наряды милиции. «Партийцы» (так называли в Усть-Цильме людей, состоявших в партии большевиков, а позднее коммунистов), изымали культовые предметы и уничтожали их на глазах верующих.

До тех пор, пока оставалось старшее поколение, стремившееся всеми силами сохранять традиции, что удавалось лишь в многочисленных старообрядческих общинах, эволюция старообрядчества шла замедленными темпами. Представители этих общин пытались поддерживать духовные связи между общинами. Так, например, нижнепечорские наставники выезжали на среднюю и верхнюю Печору с целью проведения проповедей, обучения христиан грамоте совершения треб; сохранялся обмен литературой, богослужебной утварью, полемическими посланиями. Но уже к 30-м годам здесь были ликвидированы оставшиеся лесные старообрядческие скиты, уничтожены их библиотеки (7). Размывание религиозности связывается с социалистическими преобразованиями (коллективизация, раскулачивание), а позднее в 1940-е годы с начавшимся промышленным освоением Печорского угольного бассейна. В состав верхнепечорских старообрядцев вливались в довоенные годы переселенцы и «спецпереселенцы» из различных регионов СССР, и регион средней и верхней Печоры стал зоной активных миграционных процессов (8).

Вместе с перечисленными факторами упадок религиозности был обусловлен и интенсивным развитием лесной отрасли в тех регионах, что также сопровождалось миграцией населения.

Наблюдения этнографов, сделанные в 1959–1960 гг. и позже в старообрядческих деревнях, со всей очевидностью засвидетельствовали изменение всего их жизненного уклада. Религиозная община в этот период уже объединяла лишь часть жителей, а не всю деревню. Границы общины стали очень неопределёнными: если религиозной общиной можно условно считать совокупность всех верующих в деревне, то на молениях была представлена только незначительная её часть – наиболее религиозных людей (как правило, пожилого возраста). Многие верующие уже не помнили, к какому старообрядческому толку принадлежали их отцы и деды. Нередки были случаи участия поповцев в коллективных молениях с беспоповцами, и наоборот. Обряд крещения поповцы могли совершать у беспоповского «старичка», а беспоповцы – в официальной церкви и т.д.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Большая Российская энциклопедия. М., 2004. С.227.
2. Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957.
3. Энциклопедия для детей. Т.5. Ч.III. XX век / Гл. ред. С.Г. Исмаилова. М., 1995. С.424.
4. Документы предоставлены архивом РС ДПЦ: ГАКО. Ф.Р-897. Оп.1. Д.650. Л.105.
5. Миловидов В.Ф. Старообрядчество и социальный прогресс. М., 1983. С.88.
6. Дронова Т.Н. Действующие староверческие общины в Республике Коми (последняя четверть XX–XXI вв.) // Староверие на Северо-востоке Европейской части России: Сб. статей. Сыктывкар, 2006. С.10.
7. Архив Карельского научного центра РАН (НА КНЦ УрО РАН). Ф.1. Оп.13. Д.167. Л.15–19.
8. Чувьюров А.А. Локальные группы коми верхней и средней Печоры: проблемы языковой, историко-культурной и конфессиональной самоидентификации: Автореферат на соискание уч. степени к.и.н. СПб., 2003. С.9; Дронова Т.И. Указ. соч. С.12.